

1

Я боюсь водить машину. Тревога. Злость. Зудящее чувство вины.

Раньше все было по-другому. Я помню, как беззаботно подпевал популярным рок-хитам из автомобильного радио. Как держал за руку Рэйчел во время наших романтических поездок. Или как по выходным я превращался в папу-таксиста, забирал весело галдящих детей из игровых и отвозил на дни рождения, а потом — в кино и на дискотеки.

Но все меняется, и теперь наш семейный «Вольво» напоминает тесную клетку, переполненную самыми пугающими мыслями. Мыслями о Майкле. О Рэйчел и Холли. О том, что с нами случилось в Лондоне и что ждет впереди.

Автомобильные дворники ходили туда-сюда под морозящим дождем. За окнами расплывались шотландские пейзажи. Слышно было только, как воет двигатель и шины свистят по мокрому

асфальту. Тишина проникала через вентиляцию, словно токсин.

Я стиснул руль и снова посмотрел в зеркало заднего вида на Холли, мою тринадцатилетнюю дочь. Сердце пронзила раскаленная игла. Прошло четыре дня после нападения, Холли выглядела так, будто у нее перед лицом разорвалась граната.

Нос распух и посинел, разбитая переносица скрывалась за полосками белого пластыря, наклеенного крест-накрест, на ноздрях запеклась кровь. Опухшая кожа под глазами была цвета спелой шелковицы, по краям плавно переходившей в желтоватый крыжовник.

Холли поймала мой взгляд, ее глаза были похожи на стеклянные шарики, она явно пыталась меня успокоить. Внутри у меня что-то оборвалось.

Моя дочь занимается гимнастикой два раза в неделю. По утрам в субботу она играет в хоккей — носится по полю из искусственной травы, словно воинственная принцесса в погоне за головами своих кровных врагов. Холли всегда казалась мне такой бесстрашной, а теперь, хоть она и пытается выглядеть сильной, я вижу, что на самом деле ей больно и тяжело.

В горле защипало. Невыносимо было видеть Холли в таком состоянии, но еще хуже было видеть, как она старается натянуть ободряющую улыбку, но тут же кривится от боли.

Я моргнул и снова мысленно переместился в тот переулок.

Слышу срывающийся вопль Холли. Вижу, как на нее набрасывается мужчина в капюшоне. Смотрю, как Холли падает, и знаю, что не успею ей помочь.

У меня защемило в груди. Слезы жгли глаза. Руки на руле сжались в кулаки. В отцовстве есть

вещи, которые я знаю (таких немного) и не знаю (их гораздо больше), но одно могу сказать точно: нет ничего хуже, чем видеть своего ребенка в опасности. Я мог лишь надеяться, что когда-нибудь Холли полностью оправится от этой травмы, но точно знал, что сам об этом никогда не забуду.

Рэйчел рядом со мной смотрела вперед отсутствующим взглядом — я догадался, что она была глубоко погружена в свои мысли. Наверное, она почувствовала, что я смотрю на нее, потому что повернула голову и рассеянно улыбнулась.

Моя жена — красавица. И всегда будет для меня красавицей. Но за последние восемь месяцев она сильно похудела и теперь в слабом полуденном свете выглядела бледной и изнуренной, а ее пышные каштановые волосы стали жидкими и спутанными. Мы выехали в шесть утра и накануне много часов провели в дороге, но глупо было себя обманывать — причины крылись куда глубже.

— Ты что-то сказал? — спросила она.

— Нет. Просто смотрю на тебя.

Раньше Рэйчел могла бы мне подыграть и начать флиртовать в ответ, но теперь прохладная улыбка лишь подчеркнула, каким худым и осунувшимся стало ее лицо.

— Ты всегда легко отвлекаешься.

— Все потому, что есть на кого отвлекаться.

— Том. — Она покачала головой и вздохнула. — Не надо, хорошо?

— Что, перегнул?

Она кивнула в сторону пейзажа за окном.

— Мне не очень нравится погода.

— Июнь в Высокогорье. Как удачно, что я захватил крем от солнца.

Да, я перегибал, и мы оба это чувствовали. Но я не мог иначе. В последнее время между нами

не все было гладко, так что уж лучше перегнуть, чем не сделать ничего.

— Может, я поведу? — спросила Рэйчел. — Ты не устал?

Рэйчел знает, что я чувствую за рулем. А я знаю, что она чувствует то же самое. Поэтому ее предложение значило для меня очень много, хоть я и видел, какое облегчение она испытала после моего отказа.

Да, я устал. Устал задавать себе вопросы, на которые не могу ответить. Устал в сотый раз пытаться угадать мысли Рэйчел и думать, не напрасно ли мы затеяли эту поездку.

— Может, сделаем остановку? — В наших отношениях голос жены всегда был решающим. Проще говоря, рулила она. Меня это никогда не задевало. Теперь же было трудно не заметить, что многие ее фразы превратились в вопросы и она гораздо чаще стала полагаться на меня или на Холли.

— Холли, хочешь остановиться?

— Мам, все в порядке, правда.

— Уверена? Дать тебе еще кодеина?

— Может, когда доберемся. Сейчас не очень болит.

Рэйчел недоверчиво хмыкнула и отвернулась к окну, за которым моросил дождь. Она медленно провела пальцем по шее.

В голове опять вспыхнули воспоминания.

Человек в капюшоне с силой дергает Рэйчел за волосы. Приставляет к ее горлу нож. Рэйчел смотрит на меня взглядом, полным беспомощности. Умоляющим. Испуганным. Потерянным.

Меня бросило в жар. Руки чуть не соскользнули с руля. И я подумал — далеко не в первый раз, — как хотел бы просто силой мысли стирать навязчивые образы из памяти.

За окном промелькнул дорожный знак. Приближался наш поворот на безымянную дорогу к озеру Лургейн. Я включил поворотник. Навигатор показал, что до места назначения на западном побережье нам ехать еще тридцать девять минут.

Я размял плечи, похрустел шеей. Вообще Рэйчел это терпеть не может, но сегодня она ничего не сказала, и повисшее молчание заполнило машину, словно удушающий газ. Мне захотелось повернуться к жене и произнести те слова, которые ей были так нужны. Но понял, что уже давно не знаю, какие это слова. Рэйчел неделями пыталась со мной поговорить, требовала выделить на это время. Я все увиливал, избегал ее, чувствовал, что не готов, боялся того, что могу услышать. А теперь, скорее всего, слишком поздно.

Холли слегка оттянула ремень и положила голову на Бастера, нашего шоколадного лабрадора. Бастер большой и неряшливый, у него плотная, густая шерсть и сонные карие глаза, перед которыми невозможно устоять. Мы взяли его из приюта, когда дети были еще маленькими, и иногда он словно боится, что мы отвезем его назад. Наверное, поэтому он самый преданный пес на свете.

Мимо с шумом промчался белый фургон, обдав брызгами наше лобовое стекло. Зубчатые вершины вдалеке, проткнувшие мрачное небо, выглядели антиутопично. Мы миновали зеленые и рыжеватые поля с овцами, густые леса и прибрежные озера в отдалении.

Я было протянул руку к радио — чтобы хоть чем-то заполнить тишину, — но в это время динамики вдруг зажужжали и затрещали, из телефона по громкой связи послышались гудки. Номер был неизвестный.

Я нажал кнопку на руле и стал ждать соединения.

— Мистер Салливан? Констебль Бэйкер. Я хотел бы сообщить вам новые подробности.

Мое сердце подпрыгнуло, мы с Рэйчел обменялись тревожными взглядами. Стоит ли обсуждать это по громкой связи?

— Все в порядке, пап. — Холли приподнялась и наклонилась к нам. — Я же говорю вам, со мной все хорошо.

Рэйчел пожала плечами и неопределенно качнула головой, будто не знала, как лучше поступить. Но, может быть, решил я, Холли все-таки не помешало бы это услышать.

Я помедлил. Наш «Вольво» продолжал путь. Наконец я откашлялся.

— Вы нашли человека, который нас ограбил?

— Еще нет. Но нашли кое-что по камерам. У нас есть запись, на которой мужчина, подходящий под описание, убегает с места происшествия. Он несет что-то похожее на ваш портфель.

Телефон завибрировал, и звук на мгновение прервался. Пришло какое-то сообщение, но я не стал пока его читать.

— Вы можете его выследить?

— Мы потеряли его из виду у Лестер-сквер.

Холодный укол разочарования. Я попытался переварить новую информацию. Трудно было представить этого мужчину в таком людном месте. Для меня он был фигурой из тени.

— Как это вообще возможно?

— Мистер Салливан, мы ведь не в сериале. Не все улицы увешаны камерами. А к некоторым у нас нет доступа.

Рэйчел вздохнула, покачала головой и скептически приподняла бровь, словно спрашивая: «А чего ты ожидал?»

Я действительно ничего от них не ожидал. Наверное, даже этого звонка. У нашей семьи был

не самый приятный опыт общения с полицией — отсюда и отношение Рэйчел. К тому же я знаю — у полиции куча дел. Знаю, что каждый день случается множество новых происшествий.

В голове снова возникла та навязчивая идея. Может, стоит попросить моего босса Лионеля потянуть за ниточки и привлечь своих знакомых из полиции? Но каковы шансы, что грабителя вообще поймают? Не лучше ли оставить все в прошлом?

Я все еще обдумывал эту мысль, когда Бэйкер продолжил:

— Мы должны еще кое-что обсудить, мистер Салливан. Вы сказали, что не узнали нападавшего. — Я сказал не так. Не совсем так. Я ответил, что не смог его рассмотреть, потому что он был в капюшоне и натянул на голову коричневые колготки. Но все же видел его достаточно близко. — Так вот, я забыл спросить, знаете ли вы кого-то, кто хотел бы навредить вам или вашей семье?

— Вы думаете, это было спланировано?

— Я спрашиваю, нет ли у вас врагов, мистер Салливан. Или у вашей жены?

Какое-то безумие.

— Нет. У нас нет врагов. Я не знаю никого, кто захотел бы навредить мне или моей семье. Я обычный юрист. А моя жена — врач.

— Простите, мистер Салливан. Но как же трагичный случай с вашим сыном?

Внезапно мне показалось, что встречный грузовик службы доставки приближается к нам слишком быстро.

Я резко свернул на обочину. Ударил по тормозам. Сердце пропустило удар.

— Я так понимаю, ваш сын погиб в автокатастрофе, — продолжал Бэйкер.

Мимо пролетела фура. Я проводил ее взглядом в боковое зеркало. Наш «Вольво» стоял неподвижно, и трогаться с места я не спешил.

Снова тишина.

Рэйчел сжала на миг мою руку, затем включила аварийку. Индикаторы мигнули и щелкнули. Она слабо улыбнулась и наклонилась к динамику. В ее голосе послышалось напряжение.

— Как это относится к делу? — спросила она.

— Была еще одна пострадавшая, миссис Салливан. Девушка.

Если бы не Холли, я, наверное, со всей силы ударился бы о руль головой.

А вот и та клетка, о которой я говорил. Именно этого воспоминания я старательно избегал.

Восемь месяцев назад наш сын Майкл погиб за рулем моей «Ауди» в нескольких милях от нашего дома. Ему было всего шестнадцать — у него еще не было прав. Он взял мою машину покататься. Той ночью шел дождь. Грунтовую дорогу размыло. Майкл ехал слишком быстро, вылетел на крутом повороте и врезался в дерево.

Вскрытие показало, что он умер мгновенно. Как и Фиона Коннор, его девушка. Они встречались чуть больше года.

Меня все еще ежедневно посещают мрачные мысли. Ужас того, что сделал Майкл, накрывает с головой и тянет вниз, словно удушающая черная волна. Мало того, что он взял машину без разрешения. Что ездил без прав. Что он безрассудно подверг опасности свою жизнь и жизни других водителей на той дороге.

Но убить и Фиону. Загубить пятнадцатилетнюю девочку, у которой была любящая семья и вся жизнь впереди. Вот что было ужаснее всего. Это непростительно.

Но Рэйчел со мной не согласна. Это стало трещиной, проходящей сквозь наш брак. Каждый раз, когда я вспоминаю Майкла, мне трудно думать о нем без непреодолимого чувства стыда.

В то время как Рэйчел отказывается видеть в нашем сыне хоть что-то плохое. Она по-прежнему убеждена, что Майклу просто не повезло: обычный подростковый бунт привел к ужасной катастрофе. По-моему, это уже не материнская преданность, а намеренный самообман.

— Мистер и миссис Салливан? — позвал Бэйкер. Каким-то чудом ко мне вернулся дар речи.

— Это совершенно не относится к делу. Семья Фионы знает, как мы сожалеем о случившемся.

На этот раз мои мысли перенеслись на поминальную службу Фионы. Я вспомнил, как ее отец резко повернулся на церковной скамье в первых рядах, когда мы попытались тихонько сесть сзади. Как он встал, весь красный, ошеломленный, как закричал и яростно бросился к нам по проходу, чтобы выгнать из церкви. Мы с Рэйчел побежали обратно к машине и заперлись в ней. Рэйчел потом трясло еще несколько часов.

Значит ли это, что отец Фионы — наш враг? Не думаю. Это всего лишь еще один человек, которого сломала та страшная ночь.

— Извините, что заговорил об этом, — сказал Бэйкер. — Надеюсь, вы понимаете, это просто...

— Что-то еще?

— Мы сдали нож на судмедэкспертизу. Если повезет, узнаем что-нибудь новое.

Сомневаюсь. Нападавший был в перчатках. А с колготками на голове он даже волос наверняка не оставил.

Наверное, я должен был спросить Бэйкера еще о чем-то, но ничего не приходило в голову. Да и не хотелось больше мучить Рэйчел и Холли.

Я поблагодарил его за новости и положил трубку.

Рэйчел отвернулась к окну, но я успел заметить блеснувшие в ее глазах слезы.

Холли снова легла на Бастера и крепко обхватила его руками.

Мигнули аварийные огни. Дворники застучали.

Словно в бреду, я взял телефон и посмотрел на экран. Сообщение было от Лионеля.

«Не позволяй своему эго встревать в отношения с Рэйчел. Выслушай ее. Сохранить брак важнее.

Послушай знающего человека».